

МЕЙЕРХОЛЬД на трибуне

НА ОТКРЫТИИ ЛЕКТОРИЯ

В общей печати прошло неотмеченным открытие в Ленинграде Лектория. А между тем появление на карте Ленинграда этой новой культурной точки — настоящее событие. В заново отремонтированных, подновленных, перестроенных залах и коридорах Польского домпросвета возник своеобразный культурно-просветительный комбинат, где в единое целое сливается увлекательный перечень лекций и докладов выдающихся мастеров культуры, галлерей выставок, разнообразный календарь университетов культуры. Прибегая к помощи театральной, киноиллюстрации, Лекторий дает хороший урок нашим концертно-эстрадным и кино-организациям. Так, например, демонстрация „Пышки“ явилась поводом для проведения вечера, посвященного творчеству Гюи де Мопассана: вступительное слово о писателе, фильм, чтение рассказов Мопассана, выставка и указатель литературы в фойе — вот звенья программы мопассановского вечера Лектория.

Второй день работы Лектория был отмечен появлением на его эстраде народного артиста Мейерхольда. Выступление Мейерхольда о сегодняшних задачах театра трудно уложить в рамки обычного понятия „доклад“, а тем более „лекция“. Это не доклад и не лекция, а своеобразная беседа заслуженного мастера советского театра со своим зрителем. Беседа страстная, взволнованная, внешне недостаточно организованная, но пронизанная одной тревогой, одной мыслью. И как ни спорны отдельные высказывания Мейерхольда, как ни расплывчаты его формулировки, слушатель невольно подчиняется темпераменту оратора, слушатель готов присоединиться „в общем и целом“ к тому, что говорит, верней, описывает Мейерхольд.

Культура вкуса — вот основная тема выступления Мейерхольда. В отрывочных эмоциональных образах характеризует Мейерхольд столкновение двух культур, столкновение социалистической культуры и фашистского бескультурья. Взволнованно и страстно он говорит о величайших победах ленинской партии и о тех огромных задачах, которые встанут сейчас перед советским художником.

— Какие краски, звуки, слова должны мы найти, чтобы хоть в какой-то степени ответить мужеству, глубине и ясности слов и решений нашей партии и правительства.

„Борьба за культуру требует от нас конкретной борьбы за культуру вкуса. Вкуса художника. Вкуса зрителя“.

Мейерхольд сурово обрушивается на пьесы и спектакли, наиболее ти-

пично представленные „Чужим ребенком“.

— Я не знаю ничего пошлее и хуже этой пьесы.

„Я слежу за зрительным залом и вижу, как так называемые остроумные, пошлые словечки начинают бродить в зале. Как внутренняя пошлость, которой пропитано это произведение, заражает зрителя.“

„Смех. Нужен смех. О, смех нужен, он освежает мозг, помогает отдыху, разоблачает врага. Но не пора ли поставить вопрос о дозировке и о сорте смеха?“

„Мне всегда вспоминается — говорит Мейерхольд, — рассказ одного врача, к чему приводит смех без дозировки. Один мальчик так защекотал другого, что тот посмеялся-посмеялся и умер. Смех смехом, но если не будем его дозировать, то кондрашка стукнет. Одна надежда, что Шкваркин не обладает таким могуществом, как тот мальчик“.

Надо вырвать зрителя из плена пошлых мыслей. И как на пример спектакля, который очищает душу зрителя, который воспитывает вкус, который заставляет зрителя вырваться из плена пошлых мыслей, Мейерхольд называет... свою постановку „Дамы с камелиями“.

Надо ли указывать, что сам принцип сопоставления „Дамы с камелиями“ с „Чужим ребенком“ является более чем дискуссионным? И, расценивая эту часть темпераментного монолога Мейерхольда как „информационное сообщение“, характеризующее личные взгляды художника на те или иные спектакли, слушатель с неизмеримо большим вниманием отнесся к содержательным высказываниям Мейерхольда о классике.

Мейерхольд с прискорбием подчеркивает, что огромное большинство наших драматургов еще не сознает всей огромной своей ответственности за поднятие культуры вкуса, за углубление культуры театра. Мейерхольд рассказывает, что в свете новых задач он уже сам новыми глазами смотрит на репертуар своего театра, в свете сегодняшних требований его уже не могут удовлетворить такие примитивные, плоские вещи, как „Последний решительный“. Огромные уроки драматургу, зрителю, театру продолжают давать наши современники, родившиеся задолго до нас, — классики литературы.

Мейерхольд вновь считает нужным декларировать свою точку зрения на классику. Он вновь подчеркивает, что все разговоры о том, что он

Окончание см. следующий лист

якобы искажает классику, показывает классиков дыбом,—ни на чем не основаны, являются печальным недоразумением. К величайшей бережности по отношению к классикам, к творческому современному подходу к их наследию (а это значит: не искажая художественного существа произведения, подчеркнуть в нем те элементы, которые больше всего отвечают нашему мировоззрению) призывает Мейерхольд.

Мейерхольд категорически отмежевывается от всех своих подражателей, которые превратили осваивание классики в искажение классики, для которых классический текст является только поводом для бездумного шоуарства. Безответственность нового эстетизма, новая уацьдовщина, трокачество неизвестно во имя чего — все это резко отличает спектакли типа „Гамлета“ в театре Вахангова от классических спектаклей Мейерхольда. Мейерхольд напоминает, что можно, внешне не переделывая классического произведения, дать его внутреннюю перетрактовку. В этом плане и проводится работа Мейерхольда над „Пиковой дамой“.

— Моя задача — сохранить все прелести Чайковского, придав им прелести Пушкина и локтем отстранив либреттиста Модеста Чайковского.

Мейерхольд рассказывает, как этой осенью ему пришлось увидеть в Праге постановку „Шейлока“, данную одним молодым чехо-словацким режиссером. Спектакль этот на первый взгляд мог показаться надругательством над Шекспиром.— „Шейлок

дыбом“ — и все же я искренно аплодировал спектаклю. Шекспировский текст явился здесь поводом для уничтожающего памфлета, который должен вселить в душу зрителя яростное отвращение к фашизму. Здесь цель оправдала средства. В спектаклях же, подобных акимовскому „Гамлету“, при всей знешней „революционности“ нет никакой тенденции, полезной человечеству.

Заключительную часть своего монолога Мейерхольд посвящает проблемам реализма, расшифровке лозунга социалистического реализма, который является знаменем всех живых сил революционного искусства. Призывая к творческим битвам под этим знаменем, Мейерхольд напоминает о тех опасностях мнимого объективизма, обанного натурализма, творческого равнодушия, которые несовместимы с замечательным понятием социалистического реализма.

Выступление Мейерхольда собрало полный зал Лектория. Можно только пожалеть, что после речи Мейерхольда не было развернуто дискуссий. Впрочем, эта возможность еще не упущена. Организация творческой дискуссии по отдельным проблемам, поднятым Мейерхольдом (с тем, разумеется, что она будет ограничена более узким кругом вопросов) должна найти место в календарных планах Лектория.